89

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

4.

9222

Стр.

577. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1838. Іюль—Декабрь. (Николай Павловичъ, Михаилъ Павловичъ и Елена Павловна въ Москвѣ).

627. О графѣ В. А. Перовскомъ (поправки статей о немъ г-на Захарьина). **М. Л. Юдина.**

637. Къ исторіи Черноморскаго флота. 1853—1857. **Д. М. Аѳанасьева.**

703. О родословной книгѣ Черниговскаго дворянства. **Н. Ч.**

704. Расписаніе уроковъ въ классической гимназіи 1871 г. **А. П. К.**

705. О духовномъ происхожденіи Гоголя.

706. Автобіографическая записка **Марьи Ивановны Гоголь** (Матери писателя).

725. Письма **Гоголя** къ Д. Е. Бенардаки, къ княжнѣ В. Н. Репниной, графинѣ Л. К. Вьельгорской, къ графу В. А. Сологубу и къ его супругѣ.

738. Историко-литературныя мелочи (Кавказскіе плѣнники.—Слово Карамзина.—Доброта Кострова) **В. В. Каллаша.**

740. А. Ѳ. Ковалевскій, слагатель акаѳистовъ. **Графа Г. А. Милорадовича.**

742. Статьи въ неисторическихъ изданіяхъ. **В. Б.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА МАРІИ ИВАНОВНЫ ГОГОЛЬ,

Матери Н. В. Гоголя *).

Въ дѣтствѣ моемъ только и знала я дѣдушку, отца моего родителя, наслышась объ немъ такъ много отъ родныхъ особъ. Онъ умеръ, когда я была одного году; дальше, по дѣтской моей безпечности, тогда не приходило на мысль разспросить, а теперь и не у кого уже разспрашивать. Мнѣ говорили, что мой дѣдъ уважаемъ былъ всѣми не по одному только уму, но по добрымъ качествамъ его души и благородству его поступковъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей, чинъ имѣлъ колежскаго асессора, наслѣдственнаго имѣнія имѣлъ 60 душъ на рѣкѣ Голтвѣ, въ 7 верстахъ отъ нашей Васильевки; и мнѣ виденъ его умъ, потому что онъ доставилъ своимъ дѣтямъ порядочное воспитаніе тогда, какъ лучъ просвѣщенія не касался еще нашей Малороссіи. Отецъ мой о многомъ имѣлъ свѣдѣніе; при другихъ наукахъ учился юриспруденціи.

Первый разъ женился онъ на дочери бывшей фрейлины Звѣревой, будучи въ Петербургѣ съ полкомъ своимъ. Жена его была красавица и добра, какъ ангелъ. Она была 16-ти лѣтъ и любила своего мужа до обожанія. Родители ея поручали зятю единственное сокровище на землѣ (больше дѣтей у нихъ не было) и, отдавая палку оправленную въ золото, мать сказала: «Вотъ вамъ, Иванъ Матвѣевичъ, палка на вашу жену, если она когда-нибудь осмѣлится ослушаться васъ». Съ такимъ условіемъ отецъ мой не хотѣлъ принимать палки; но жена съ улыбкой взяла. Эта фраза, сказанная матерью, любящею свою дочь болѣе всего на свѣтѣ, осталась навсегда въ моей памяти. Съ первыхъ родовъ она умерла; за ней послѣдовалъ и сынъ, виновникъ ея смерти. Смерть ея чуть было не скосила и ея мужа; онъ былъ въ безпрестанныхъ обморокахъ, и когда пришелъ въ себя, то возвратилъ все приданое родителямъ ея, которые упрашивали его оставить для памяти хотя что нибудь изъ вещей ея; но онъ сказалъ, что все будетъ убивать его и не могъ ничего видѣть. Онъ просилъ генерала посылать его въ опасные случаи, чтобъ скорѣе прекратить свое существованіе, но религія поддержала его. Когда онъ былъ посыланъ по какимъ-то дѣламъ по службѣ въ зимнее время, на дорогѣ застигла

---

*) Эта записка сообщена была въ „Русскій Архивъ“ И. С. Аксаковымъ, а имъ, сколько помнится намъ, получена отъ одной изъ сестеръ Гоголя. Марья Ивановна Гоголь (род. въ 1792 г., сконч. въ 1868 г.) была дочерью Харьковскаго губернскаго почтмейстера Косяровскаго. См. о ней статью Н. А. Бѣлозерской въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., кн. 3-я. П. Б.

его страшная стужа; онъ оставался безъ пріюта болѣе сутокъ; когда его нашли, по прекращеніи бури, безъ чувствъ, на глазахъ былъ ледъ. Поручили его докторамъ; по приведеніи его въ чувства онъ жаловался на сильную боль головы и глазъ; по долгомъ лѣченіи, объявили ему (какъ онъ говорилъ мнѣ), что одинъ глазъ его умеръ. Тогда онъ не могъ продолжать военной службы и отправился домой. Сверстники его были генералами, а онъ могъ служить только по штатской уже службѣ.

Когда онъ обратился уже болѣе къ Богу, и горе его начало нѣсколько уменьшаться, онъ еще былъ довольно молодъ и хотя съ разстроеннымъ здоровьемъ, но увидѣлъ, что ему надобно имѣть подругу въ жизни. Случилось ему быть въ домѣ Малороссійскаго помѣщика, имѣвшаго 100 душъ и 12 своихъ дѣтей (по 6-ти сыновъ и дочерей; а другая такая же дюжина дѣтей умерла), фамилія его *Шостакъ*. Это многочисленное семейство было счастливое и очень доброе. Имѣя способности, сыновья оставили имѣніе сестрамъ и, взявъ себѣ по одному дворовому мальчику, пошли служить; по службѣ были очень счастливы и по женитьбѣ богаты. Изъ этого-то семейства Богъ указалъ моему отцу жену, дѣвицу 20 лѣтъ, добрую и скромную. Бабушка, оставшись вдовой, отдала все имѣніе меньшей своей дочери—моей теткѣ (видно, чтобъ не раздроблять имѣнія), а другимъ дочерямъ ничего: конечно уже денегъ не было. Но онѣ не роптали на это, были къ матери очень почтительны и любили ее.

Одинъ изъ братьевъ маменьки моей, меньшой, еще съ дѣтства, всегда задумывался, и когда его спрашивали о чемъ думаетъ, то онъ отвѣчалъ: Я ищу мѣста вырыть колодезь такой, чтобъ можно было черпать деньги. И въ продолженіе своей жизни точно имѣлъ онъ большія деньги отъ прожектовъ своихъ, но окруженъ былъ всегда неблагонамѣренными людьми, которые, получая отъ него по нѣскольку тысячъ жалованья, обирали его; онъ, по себѣ судя, не подозрѣвалъ ихъ. Онъ бралъ на откупа города, и случалось у него по милліону, и потомъ ровно ничего, и опять наоборотъ. Въ одно время, имѣя деньги, онъ разослалъ въ подарокъ сестрамъ своимъ по 10 тысячъ, братьямъ по 25, а старшему брату, любящему жить хорошо, 50 тысячъ, покуда не успѣли еще распорядиться его деньгами его агенты.

Получа отъ него деньги, мои родители не успѣли еще разсудить, какъ полезнѣе ихъ употребить для дѣтей, какъ одинъ услужливый человѣкъ предложилъ отдать ему на процентъ, который будетъ платить съ большой акуратностью до востребованія капитала; но мои родители не только не получили проценту, но и капитала не могли вытребовать, и бѣдный отецъ мой долженъ былъ завесть искъ, и весь свой вѣкъ хлопоталъ по этому дѣлу, всегда самъ писалъ бумаги и

при концѣ уже жизни получилъ имѣньице въ Хорольскомъ уѣздѣ въ число тѣхъ денегъ. Онъ отдалъ его мнѣ. Я землю продала, такъ какъ она была вся въ лоскуткахъ, а людей перевела въ Васильевку; на вырученныя за землю деньги, послушала неопытныхъ людей и завела кожевенную фабрику, на которую послѣ еще занимала деньги. Попавшійся намъ шарлатанъ, Австрійскій подданный, увѣрилъ, что мы будемъ получать по 8000 рублей годового доходу на первый случай, а дальше и еще больше, и такіе резоны представлялъ, что можно было повѣрить: изъ телячьей кожи, стоющей съ выдѣлкой 1 р. ассигнаціями, сшивъ сапоги, получается по крайней мѣрѣ 8 р. Въ тотъ годъ пріѣхалъ сынъ мой и совѣтовалъ намъ начать съ маленькаго маштабу; фабрикантъ сказалъ: Зачѣмъ терять время даромъ, почему не получать вмѣсто пяти тысячъ сто? Мой сынъ велѣлъ ему изъ отлично выдѣланныхъ имъ кожъ сшить на пробу сапоги и прислать ему въ С.-Петербургъ. Онъ сшилъ самъ также отлично сапоги съ золотыми гвоздиками на подошвѣ и калоши зимнія съ шерстью въ срединѣ (а на лицѣ незамѣтно, что онѣ теплыя) что̀ для военныхъ людей было бы очень нужно. Получа тѣ вещи, сынъ мой, увидя такую изящную работу, познакомился нарочно для этого съ фабрикантами тамошними, чтобъ доставить намъ выгоду. Они сказали, чтобъ доставить на фабрику такую работу и разныхъ ремешковъ въ промежутки той работы, что̀ могутъ и малолѣтнія дѣти работать. Нанято было сапожниковъ 25 человѣкъ, какъ подскочилъ страшный голодъ; покупали хлѣбъ по 3 р. пудъ, а между тѣмъ фабрикантъ нашъ намочилъ кожи и сдалъ на руки ученикамъ, которые ничего не знали, а самъ, набравши нѣсколько сотенъ сапоговъ, поѣхалъ продавать. Люди съ нимъ поѣхавшіе не знали по чемъ продавалъ, а только возили куда онъ продалъ, и даже, какъ мы послѣ узнали, продавалъ по 2 рубля и, получа деньги, на Шампанскомъ съ своими знакомыми пропилъ. (Мы не знали, что онъ имѣлъ слабость пить). Возвратясь, онъ сказалъ, что ѣздилъ для большихъ для фабрики дѣлъ, а о такой бездѣлицѣ онъ не намѣренъ отдавать отчета и что онъ договорился съ полковникомъ на ранцы. Тогда я его позвала и объявила, что больше на словахъ не вѣрю ничего, когда не покажетъ на дѣлѣ. И такъ какъ онъ долго не возвращался, то кожи, оставленныя имъ, всѣ испортились, и онъ бѣжалъ, и мы не знали, что̀ съ тѣми кожами дѣлать; и обманулъ еще пять помѣщиковъ очень аккуратныхъ и умныхъ. Наконецъ умеръ, и столько было надѣлано долговъ, занимая въ разныхъ рукахъ, что должны были заложить Васильевку, чтобъ съ ними расплатиться, на 26 лѣтъ, и платить по 500 рублей серебромъ проценту. И винокурня уничтожена,

земляная мельница уничтожена для толченія дубовой коры, для выдѣлки кожъ, и совершенно оставилъ намъ разстроенное имѣніе. Это случилось гораздо послѣ смерти моего мужа [1]).

Родители мои болѣли душой о насъ и потомъ начали болѣть тѣломъ. По взятіи отцомъ моимъ имѣнійца, еще оставалось долгу 6 т. р. съ процентами. У заимодавца его было много имѣній, и въ Одессѣ два дома. Отецъ мой написалъ, чтобъ не позволяли ему продавать домы, не удовлетворивъ его; но онъ такъ много, видно, имъ насулилъ, что домы были имъ проданы, и денегъ не отдалъ; и должно было завести дѣло, которое пришлось мнѣ вести. Присудили взыскать съ членовъ, допустившихъ продать. Сенатъ рѣшилъ въ мою пользу послѣ смерти моихъ родителей; тѣ апеллировали, и опять рѣшено уплатить мнѣ деньги, а чрезъ нѣсколько лѣтъ передѣлали такъ, что мнѣ взыскивать самой слѣдуемыя мнѣ деньги, что̀ мнѣ было невозможно: ихъ было 15 лицъ въ разныхъ мѣстахъ находящихся по выходѣ въ отставку, и повѣренному трудно было находить ихъ, развѣ истратя всѣ деньги. Я написала къ сыну. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Конечно, ваше дѣло правое; но вообразите, что, можетъ быть, изъ обвиняемыхъ есть такіе, что̀ вы снимете съ нихъ послѣднее платье, если взыщутъ съ нихъ деньги, слѣдуемыя вамъ. А я бы совѣтовалъ вамъ сдѣлать такъ—написать каждому изъ нихъ: вы видите, что дѣло мое правое и рѣшается въ мою пользу; напишите мнѣ, если вы не можете мнѣ уплатить всѣхъ, то уплатите половину, а другую я оставляю вамъ; и увидите, что вы деньги половинныя получите». Но я бросила совсѣмъ это дѣло. Теперь же начали сосѣди мои меня урезонивать, зачѣмъ я оставила свое правое дѣло, чтобъ опять возобновить, и я рѣшилась передать это дѣло церкви: утѣшительно будетъ, если она получитъ и немного поправится.

Но я слишкомъ отдалилась отъ своего разсказа, а хочу не упустить ничего, что̀ касается моего сына. Отецъ мой, года черезъ два послѣ женитьбы, подалъ прошеніе на службу: привыкнувъ къ дѣятельной и полезной жизни, онъ не могъ долго оставаться безъ занятія. Здоровье его, видно, поправилось; ему открылось мѣсто въ Орлѣ; онъ поѣхалъ туда съ маменькой моей, оставя меня полтора-мѣсячную въ домѣ моего дѣда Шостака и написавши къ сестрѣ своей Трощинской [2]) чтобъ пріѣхала за мной. Она имѣла только одного сына, служившаго въ С.-Петербургѣ, и взяла меня съ кормилицей, любила какъ дочь

---

[1]) Отецъ Гоголя, Василій Аѳанасьевичъ умеръ въ 1825 году. П Б.

[2]) Эта тетка М. И. Гоголь, Анна Матвѣевна Косяровская была за Андреемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, роднымъ братомъ извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины Великой. П. Б.

свою, и сынъ ея иначе не считалъ меня, какъ родной сестрой. Онъ, проѣзжая домой при разныхъ командировкахъ, видалъ меня въ разныхъ возрастахъ, предлагалъ свой матери поручить меня ему (такъ какъ онъ бывъ отличной нравственности, многія матери поручали ему своихъ дочерей вывозить на балы), чтобъ доставить мнѣ блестящее воспитаніе; но она не согласилась, сказавъ: «У насъ въ Малороссіи не нужно такое воспитаніе; пусть она будетъ хорошей хозяйкой, и ей будетъ хорошая партія. У моихъ пріятелей есть сынъ, хорошій молодой человѣкъ, неимовѣрно привязанъ къ ней; когда бываетъ у меня, то всегда занимается съ такимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ съ нею и ея игрушками, приводя все въ порядокъ, а она воображаетъ, что и его занимаютъ куклы и обо всемъ съ нимъ совѣтуется въ своихъ кукольныхъ дѣлахъ».

Родители мои по мѣрѣ возможности навѣщали меня. Когда мнѣ минуло пять лѣтъ, то они мнѣ прислали букварь, толстую книгу, которой я нигдѣ послѣ не встрѣчала. Она была гражданской печати, вмѣщала въ себѣ, кромѣ отличныхъ молитвъ, наставленіе обо всемъ приличномъ тому возрасту, какъ за столомъ сидѣть и прочее, и для взрослыхъ дѣтей дающая обо всемъ нѣкоторое понятіе, первую часть Ариѳметики, нѣсколько изъ Географіи, нравоучительныя сказочки. Мнѣ долго жаль ея было, что она не сбережена. Выуча ту книгу или что только доступно было тому возрасту, я не знала Славянской или церковной печати, и для того учили меня Псалтири. Въ восемь лѣтъ я читала такъ мои сказочки въ присланной мнѣ моими родителями книгѣ, что моя рѣдкая тетка не скучала слушать меня; но писать (учить) не начинала, боясь испортить мою руку стариннымъ своимъ почеркомъ (которому она училась самоучкой, проживая у своего дѣдушки и бабушки Щербаковыхъ, очень богатыхъ помѣщиковъ, но они не имѣли никакого способу доставлять воспитаніе, они имѣли одного сына и того по случаю отправили за границу учиться).

Въ это время оставилъ службу мой отецъ, чтобъ нѣсколько укрѣпить свое зрѣніе. Родители мои пріѣхали къ моей теткѣ и объявили ей, что меня возмутъ домой. Помню и теперь это тяжелое для меня время. Услыша этотъ приговоръ мой, оставя занятіе мое, выбѣжавъ въ садъ, я упала въ кусты и дала волю слезамъ, которыя давили меня; я ихъ боялась показать родителямъ моимъ, мало знакомымъ мнѣ, хотя и понимала ихъ ласки (мой папенька, держа меня на колѣняхъ, училъ пѣть пѣсню приличную моему возрасту, и я вторила ему); но привязанность моя къ теткѣ была неограниченная, не смотря на то, что она меня не баловала: ни одной вины не прощала мнѣ; если я требовала мнѣ подать отъ старыхъ слугъ, то мнѣ всегда

было говорено, чтобъ я просила; когда же не хотѣла ихъ слушать, и имъ что̀ не нравилось во мнѣ, то меня заставляли непремѣнно просить у нихъ прощенія.

Въ одно время, когда пріѣхалъ Д. П. Трощинскій для ревизовки почтамтовъ, сколько я припомню, и обыкновенно всегда бывалъ у моей тетки, и съ нимъ пріѣзжали какіе-то два старика въ орденахъ, то они обратили на меня вниманіе. Такъ какъ я вертѣлась около моей тетки, то она, говоря обо мнѣ, прибавила, что я часто ей танцую казачка подъ свою музыку. Они, лаская меня, спросили, на какомъ инструментѣ я играю, и удивлялись, какъ можно самой играть и танцовать, а я серьезно отвѣчала: на языкѣ. Всѣ разразились смѣхомъ; потомъ я слышала, что, пріѣхавши въ С.-Петербургъ, они разсказывали, что видѣли въ Малороссіи дѣвицу, которая играла на своемъ природномъ инструментѣ—языкѣ и танцовала. Мнѣ тогда было семь лѣтъ.

И такъ меня взяли въ хуторъ мои родители, гдѣ я была въ компаніи съ меньшимъ моимъ братомъ и сестрой, но жестоко грустила по моей тетушкѣ, ни на одинъ день не забывала ее, перестала уже такъ рѣзвиться; все мнѣ казалось чуждо, и мало знакомые родители мои хотѣли начинать учить меня писать. Они обое хорошо писали, но желали, чтобъ я лучше ихъ писала, купили для меня отличную пропись. Въ то время пріѣхала къ намъ другая моя тетка, родная сестра той, у которой я жила и которую я часто тамъ видѣла; она жила въ своемъ имѣніи недалеко отъ Кременчуга; сказала родителямъ моимъ, что недалеко отъ нея у богатыхъ помѣщиковъ есть учительница, учитъ ихъ дѣтей, и что она сказала, что у нея есть племянница, которую пора начинать учить. Онѣ сказали привезти меня учиться вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, и она съ ней договорилась о цѣнѣ; и родители мои отпустили меня съ моей теткой, и она меня отвезла туда учиться. Учительница моя была старая дѣвица, очень религіозная, училась въ монастырѣ, начала меня учить писать (читала я лучше моей учительницы), разведя мелу вмѣсто чернилъ на доскѣ. Учительница написала мнѣ азбуку такими странными іероглифами, какъ теперь припоминаю, что мнѣ не удавалось видѣть до того времени такой рукописи, велѣла копировать тѣ слова, и я съ большимъ прилежаніемъ начала писать мои каракульки, которыми она всегда была довольна. Я пробыла тамъ годъ, и когда написала письмо къ моимъ родителямъ, то они испугались моей рукописи и просили мою тетку привезти меня обратно къ нимъ, жалѣя, что не начали сами учить меня.

Можете себѣ представить, какая трудность была учить дѣтей, когда богатые помѣщики не имѣли способовъ лучше учить своихъ дѣ-

тей. Родители мои, сколько ни старались исправлять мою руку, дали мнѣ пропись; но я все сбивалась на прежнія мои литеры, которыя я съ такимъ усердіемъ старалась копировать. Пріѣхавшая тетка моя Трощинская выпросила меня опять у моихъ родителей, обѣщая прилежно наблюдать за тѣмъ, что̀ я уже знала. Когда меня отпустили къ ней, то я была въ восторгѣ, и оставалась у нея до 12 лѣтъ. Прежде велѣла она мнѣ повторить выученную мою книгу при себѣ по утрамъ, которую я начала понимать, а прежде читала ее какъ попугай; послѣ обѣда писала держа въ рукахъ перо, какъ мнѣ было ловче, и какъ я привыкла. Тетушка моя была довольна моимъ писаніемъ. Когда я начала подрастать, то мнѣ дали читать «Дѣтское Училище», которое мнѣ чрезвычайно понравилось. Я читала въ слухъ и какія лица мнѣ нравились, то я молилась Богу уподобиться имъ, именно Благоразумова плѣняла меня. Потомъ дали мнѣ читать «Дѣтское Чтеніе» въ 20 томахъ, кажется.

Отецъ мой отдохнулъ немного дома и видѣлъ невозможность воспитывать дѣтей; брату приближалось время усилить воспитаніе. Доходы ихъ изъ хутора насилу позволяли имѣть чай, сахаръ и кофе, который родители мои любили, и при всемъ томъ удѣляли нѣкоторую часть и для тѣхъ, которые также любили его, но не имѣли возможности имѣть его. Отецъ мой подалъ желаніе опять служить, и ему вышла должность въ Харьковѣ почтмейстеромъ. Уѣзжая туда, взялъ и меня, и я опять оставила мою любимую тетку, которая охотно отпустила меня, воображая, что я тамъ пріобрѣту много для себя полезнаго. При отъѣздѣ нашемъ, я видѣлась съ пріятелемъ моимъ по кукламъ; онъ, казалось, не хотѣлъ разлучаться съ нами. Въ Харьковѣ начали приходить къ намъ учители Французскаго и Нѣмецкаго языка, меня учили болѣе для соревнованія моему брату. Танцовальный учитель надоѣдалъ мнѣ своимъ минуэтомъ. Профессоръ музыки (какъ онъ называлъ себя), Витховскій, кажется, получившій за свое искусство отъ Государя бриліантовый перстень, брался учить меня на фортепьяно безъ возмездія; и только я видѣла, какъ несли наверхъ тотъ инструментъ, какъ папенька пришелъ съ печальнымъ видомъ и сказалъ маменькѣ, что онъ чувствуетъ боль въ глазѣ и тусклѣе зрѣніе. Позвали доктора, и онъ объявилъ, что если онъ станетъ такъ прилежно заниматься, то у него скоро покроется глазъ катарактой. Изложивъ причины, мой бѣдный папенька подалъ въ отставку, и мы пріѣхали въ нашъ хуторокъ. И такъ какъ говорятъ, за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадетъ, то отцу моему дана была пенсія по 600 рублей. Онъ могъ довольно долго столько видѣть, чтобъ нечуждой рукой подписывать свое имя, а незадолго до кончины его онъ

видѣлъ только тропинку гдѣ ходилъ. Возвратясь въ свое имѣньице, онъ началъ приводить все въ порядокъ. Въ это время навѣстилъ его нашъ сосѣдъ *) онъ доволенъ былъ его видѣть и, не прерывая своего дѣла, сказалъ: Вотъ эти только мебели (указывая на насъ троихъ) нѣсколько озабочиваютъ меня, покуда я ихъ устрою. Онъ, какъ мнѣ послѣ говорилъ, подумалъ: отъ одной я васъ избавлю, если Богу будетъ угодно, и вы мнѣ отдадите. Мнѣ тогда было 13 лѣтъ, и чрезъ годъ меня ему отдали. Я любила его такъ, что не могла различить, кого болѣе тетку мою или его. (Но по выходѣ за него мнѣ казалось, никто бы мнѣ не замѣнилъ его).

По отъѣздѣ его я только и мыслила, какъ бы мнѣ попасть скорѣй ко второй матери моей, тетушкѣ, и когда желаніе мое исполнилось, тутъ-то начала я ей разсказывать, что видѣла въ Харьковѣ восковыя куклы цѣлыми компаніями въ ростъ человѣка, только не говорили, комедіи въ театрахъ, какія пьесы мнѣ случилось видѣть, разсказывала въ лицахъ всѣ роли. Тетушка скрывала отъ меня свой смѣхъ; но я видѣла, какъ она дрожала отъ него. По окончаніи всего на другой день заставила меня повторить уроки начатыхъ мной наукъ. Дорогая тетка моя умна была какъ Жанлисъ, а сердце имѣла лучше ея, но не понимала ничего изъ моихъ уроковъ, такъ же какъ и я, хотя и болтала бѣгло по-нѣмецки и начала только кое-какъ переводить съ Французскаго. Она боялась, чтобъ я не забыла, не зная, что мнѣ нечего было забывать. Тогда начинался другой періодъ моей жизни; по вечерамъ я читала книги изъ избранной библіотеки моего кузена; поутру у насъ было чтеніе, послѣ обѣда занималась рукодѣліемъ, которыхъ я знала много сортовъ, пользуясь случаемъ гдѣ увидѣть.

Другъ дома нашего, Гоголь, часто навѣщалъ насъ, въ томъ же мѣстечкѣ у родственниковъ тетки моей, и мы съ ней пріѣзжали туда. Онъ иногда меня спрашивалъ, могу ли я его терпѣть и не скучаю ли съ нимъ? Я отвѣчала, что мнѣ всегда пріятно было съ нимъ быть въ компаніи. Припоминаю, какъ во снѣ, какъ онъ всегда былъ ко мнѣ снисходителенъ, когда я была маленькой. Въ одно время я просила мою тетку позволить мнѣ пойти пѣшкомъ ко Пслу, и она позволила, отправила со мной цѣлой отрядъ дѣвокъ и женщинъ, въ томъ числѣ и мою няню (сама она не могла много ходить); и когда я была возлѣ рѣки, то услышила пріятную мелодію духовой музыки; легко было догадаться, что она была Гоголя, потому что кромѣ его ни у кого не было; но какъ это случилось, что въ тотъ день и онъ очутился тамъ?

*) Т. е. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь. П. Б.

Музыка играла по другую сторону рѣки; за деревьями ея не было видно; но мелодія ея была очаровательна. Я ее слушала довольно долго, покуда моя команда не напомнила мнѣ, что пора возвращаться, полагая, что я устала, пройдя двѣ версты; и когда я пошла, то музыка, переѣхавъ на берегъ, въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ, скрываясь въ садахъ, наполнявшихъ мѣстечко. Когда я разсказывала моей тетушкѣ, то она, улыбаясь, сказала: какъ хорошо тебѣ случилось пойти гулять въ то время, когда и нашъ другъ воспользовался такой хорошей погодой, любя природу (тамъ она была въ самомъ лучшемъ видѣ). Потомъ она сказала мнѣ: Но ты уже не ходи больше такъ далеко отъ дому; я безпокоилась о тебѣ, чтобъ ты не вздумала купаться въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и могла бы утонуть. И я обѣщала ей не отлучаться отъ нея и исполнила это.

Когда мнѣ былъ въ окончаніи 14 годъ, то онъ просилъ тетушку позволенія объявить мнѣ, что онъ желаетъ просить у нея и моихъ родителей моей руки. Она отвѣчала ему, что она рада этому предложенію, любя его, но что я слишкомъ молода. Онъ обѣщалъ оставить меня у нея годъ послѣ нашего вѣнца; и посовѣтуясь съ моими родителями рѣшили, когда исполнится мнѣ 14 годъ, вѣнчать. Одинъ разъ онъ, пришедши къ намъ, не нашелъ меня въ комнатѣ, пошелъ въ садъ. Я была подъ деревомъ близъ дому; увидя его, у меня сдѣлалась дрожь, какъ въ лихорадкѣ; пошла въ домъ, прося и его туда; онъ у насъ пробылъ весь день. Когда тетушка ушла (ее вызвали), то онъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ: люблю ли я его? Мнѣ такъ странно показалось, не знаю и сама отъ чего, отвѣчала: люблю васъ, какъ всѣхъ людей. Удивляюсь я теперь себѣ, какъ я могла скрыть мои чувства по 14 только году, любя его такъ сильно; и когда я ушла, то онъ началъ говорить моей теткѣ, что я его не люблю, и былъ очень грустенъ. «Она увѣряла его, что я дитя доброе и могу быть вѣрной ему женой. Она теперь не помышляетъ еще о замужествѣ, но я увѣрена, что она васъ любитъ, потому что всегда скучаетъ, когда васъ не видитъ; а что она вамъ такъ отвѣчала, то это потому, что она боится мужчинъ, наслышась отъ меня, какіе они бываютъ лукавые; но когда я ей скажу, что вы прежде сказали мнѣ, что ее любите, и тогда она не будетъ васъ бояться. Я ей всегда говорила, когда начала приближаться къ возрасту дѣвицы, чтобъ она разбирала; если молодой человѣкъ захочетъ искать ее себѣ въ жены, то долженъ прежде объ этомъ сказать родителямъ, или кому нужно о томъ знать; но если онъ обманываетъ, то скажетъ, чтобъ никому не говорила о томъ, то это значитъ уже опасной человѣкъ». По выходѣ его, тетушка позвала меня и удивилась, что я близко была и сказала. Ты вѣрно выслушала мой

разговоръ? Я сказала: да! Ну что жъ ты скажешь за него? Какъ можно, я сказала, мнѣ выходить замужъ? Подруги мои будутъ насмѣхаться надо мной. Она отвѣчала, что и подруги мои тоже выйдутъ за мужъ; написала къ родителямъ моимъ, и они пріѣхали, и насъ сговорили.

Маменька моя взяла меня домой, чтобъ приготовить мнѣ кое-что къ вѣнцу, такъ какъ она мастерски все умѣла дѣлать, и я не такъ уже грустила въ хуторѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что женихъ мой часто пріѣзжалъ къ намъ, а когда не могъ почему пріѣхать, то писалъ, и я такая была странная, что, не распечатывая, отдавала папенькѣ читать; онъ прочтя отдавая мнѣ улыбаясь сказалъ маменькѣ: начитался романовъ. Письмо его наполнено было самыми нѣжными фразами, при концѣ письма и перо упадало изъ рукъ его. Папенька сказалъ мнѣ сѣсть къ столу, взять лоскутокъ бумаги и началъ диктовать мнѣ отвѣтъ, и мнѣ нравился его слогъ. Хороша я была невѣста, воображаю себѣ! Письма его я всегда носила при себѣ, а когда проживала у тетки, то всегда отдавала прежде ей читать и потомъ уже читала сама.

Насъ перевѣнчали въ Ярескахъ, въ домѣ тетки моей, гдѣ мы провели тотъ день. Играла музыка моего мужа. Вечеромъ онъ сдѣлалъ намъ сюрпризъ — протанцовалъ *шумну* и уѣхалъ домой, а я осталась у моей тетки, которая дѣлала мнѣ много наставленій, какъ я должна себя вести, когда буду въ домѣ своего мужа. Но когда рѣка Голтва начала разливаться и мѣшать родителямъ моимъ и мужу пріѣзжать къ намъ, то мужъ мой началъ просить родителей моихъ и тетушку переѣхать мнѣ къ нимъ, и они взяли меня. Тамъ часто я видѣлась на нѣсколько часовъ съ моимъ мужемъ; онъ всегда грустилъ, разставаясь со мной, и началъ упрашивать родителей моихъ — отдать меня ему, что̀ ему очень грустно оставлять меня. И такъ вмѣсто году я оставалась подъ кровомъ родителей моихъ только одинъ мѣсяцъ; они благословили насъ образами и отпустили меня съ мужемъ моимъ. Онъ привезъ меня въ Васильевку менѣе нежели въ часъ, гдѣ встрѣтили насъ его родители, любившіе меня какъ родную дочь, которой у нихъ не было. Свекровь одѣвала меня по своему вкусу, надѣвая на меня старинныя свои вещи. Мужъ мой никогда не вспоминалъ, чтобъ я продолжала начатыя мои науки. Онъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ Латинскаго, и не желалъ, чтобъ и я знала ихъ, и съ тѣхъ поръ я никогда не принималась за иностранныя книги; а Русскія книги мы съ нимъ всегда читали, когда имѣли свободные часы отъ хозяйственныхъ дѣлъ и оставались одни, что̀ бывало очень рѣдко. Помню, какъ онъ гдѣ-то досталъ очень старинную книгу Кадмъ и Гармонію, и мы съ нимъ вмѣстѣ читали. Онъ по своей доброй душѣ доволенъ былъ

всѣмъ тѣмъ, что̀ я знала, и любовь его была ко мнѣ неограниченная. Онъ былъ старѣе меня на 13 лѣтъ. Въ деревнѣ нашей тогда было 130 душъ. Я не выѣзжала ни на какія собранія и балы, находя все счастье въ своемъ семействѣ; мы не могли разлучиться другъ отъ друга ни на одинъ день, и когда онъ ѣздилъ по хозяйству въ поле въ маленькихъ дрожкахъ, то всегда бралъ меня съ собой. Если же случалось, что мнѣ надобно было остаться дома, то я боялась за него; мнѣ казалось, что я не увижу его; предчувствіе было душѣ моей, что большую половину жизни буду проводить безъ него.

Мужъ мой любилъ стрѣлять. Ружье было привѣшено къ дрожкамъ заряженное, чтобъ, проѣзжая рѣку, если увидитъ птицу, убить. Я не знала опасности ѣхать съ заряженнымъ ружьемъ, но всегда боялась того орудія. Съ нами былъ верховой; въ дрожкахъ запряжена была лошадка, которою управлялъ самъ мой мужъ. Когда мы подъѣхали къ рѣкѣ, онъ, увидя птицу, схватилъ ружье, и только могъ выговорить человѣку, чтобъ онъ сталъ съ своей лошадью подлѣ моей самой смирной и доброѣзжей лошади, мнѣ не пришло на мысль—встать съ дрожекъ; когда выстрѣлъ раздался взблизи насъ, лошадь подъ человѣкомъ стала на дыбы, моя лошадь вырвалась у него изъ рукъ и помчала меня по рвамъ наполненнымъ водой (это было весной). Что̀ тогда чувствовалъ мой другъ? Отчаяніе овладѣло имъ; онъ тужъ минуту бросилъ ружье, обѣщая во всю свою жизнь не дотрогиваться къ нему, когда я уцѣлѣю, что̀ и исполнилъ. Верховой скакалъ, чтобъ перенять мою лошадь, но она неслась вихремъ. Мужъ мой сначала бѣжалъ въ безпамятствѣ, потомъ изнеможенный шелъ все впередъ, не выпуская изъ виду меня. Я въ это время ничего не помнила, только крѣпко держалась обѣими руками за спину дрожекъ; онѣ были въ родѣ маленькой линейки съ одной только спинкой безъ перегородки. Послѣ начала чувствовать, что меня какъ будто сильная рука тащила изъ дрожекъ, и чѣмъ дальше, больше, и наконецъ выбросила меня съ дрожекъ на лугъ, а лошадь все мчалась. На мнѣ былъ надѣтъ большой Персидской тоненькой платокъ на голову, обвязанъ вокругъ моего корпуса одинъ конецъ, и связанъ; другой его конецъ отъ дуновенія вѣтра попалъ въ колесо; къ счастію моему, что платокъ развязался, когда начало его тащить въ колесо, и онъ въ немъ остался весь. Я начала, спрыгнувъ, отыскивать разбросанныя мои вещи, при паденіи моемъ нашла гребень изъ косы моей, начала приводить въ порядокъ мои волосы и, увидя вдали идущаго моего мужа, побѣжала къ нему, увѣряя его, что совсѣмъ здорова, никакой перемѣны не чувствовала, удивлялась своему неблагоразумію, что не встала съ дрожекъ. Какъ мы остановились, мнѣ жаль было его, что онъ такъ былъ встревоженъ. Когда случалось

ему выѣзжать по какимъ дѣламъ изъ дому, то я страдала, чтобъ чего не приключилось. Одинъ разъ онъ никакъ не могъ въ срокъ явиться, и самъ отъ того страдалъ, все помня, что̀ будетъ со мной; и я заболѣла въ горячку.

Мы почти не разлучались до пріѣзда изъ С.-Петербурга Д. П. [1]) Онъ не хотѣлъ насъ отпускать домой, очень любилъ моего мужа. Тамъ я увидѣла все, чего не искала въ свѣтѣ, и балы, и театры, и отличное общество, пріѣзжавшее къ нему изъ обѣихъ столицъ, но всегда была рада, когда могла ѣхать въ Васильевку, гдѣ я иногда проживала одна для моей свекрови: она скучала одна, а мой мужъ долженъ былъ оставаться у Тр., служащаго тогда по выборамъ предводителемъ въ военное время [2]), и дворянская сумма была на рукахъ моего мужа. Когда онъ сдавалъ ее, то дворяне безъ счету у него приняли; не могъ ихъ принудить счесть.

Въ деревнѣ нашей не было церкви. Свекоръ нашъ хотѣлъ было купить старую и перевезти въ Васильевку, но скоро послѣ того запретили строить деревянныя, и намѣреніе то гораздо прежде моего замужества оставлено. Но Богу угодно было устроить у насъ церковь. Когда я начала входить въ хозяйство, распрашивала старушекъ, мотавшихъ у меня мотки, какъ онѣ живутъ и счастливы ли въ своихъ семействахъ, и узнала, что одно только ихъ сильно безпокоитъ—переѣздъ чрезъ рѣку Голтву, когда она разливается на очень большое пространство весной и осенью, и когда имъ случалось переѣзжать или бресть съ больными къ священнику, чтобы напутствовать ихъ, то болѣзнь увеличивается, и часто они умирали. Мнѣ возродилась мысль выстроить церковь. Отецъ моего мужа тогда уже умеръ, и некому было помышлять о ней; и я приступила съ просьбой къ моему мужу. Онъ удивился и сказалъ: помилуй, какъ мы будемъ строить церковь, когда у меня и 500 рублей никогда не остается отъ расходовъ нашихъ? Я сказала: начни только, и Богъ поможетъ. Въ то время пріѣхала къ намъ маменька моя. Онъ разсказалъ ей нашъ разговоръ; она со слезами тоже сказала: начните, и Богъ поможетъ. Видно, на то было Божіе изволеніе, потому что все начало устроиваться какъ будто само собою: на другой день пріѣхалъ архитекторъ Итальянецъ, жившій у Д. П., онъ съудовольствіемъ сдѣлалъ планъ самой маленькой церкви, только для нашихъ крестьянъ, и тутъ же явился каменщикъ, спрашивать, нѣтъ ли работы. Спросили его, строитъ ли онъ церкви? Онъ отвѣчалъ, что вездѣ въ знакомыхъ намъ мѣстахъ его постройки церкви.

---

[1]) Т. е. Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго. П. Б.

[2]) Т. е. въ ополченіи 1807 года. П. Б.

Показали ему планъ и спросили, что онъ возьметъ, чтобъ его рабочіе и кирпичи дѣлали; онъ сказалъ 5000 рублей (тогда считалось на ассигнаціи). Торговаться уже было совѣстно, услыша такую малую цѣну, и приступили къ дѣлу. Наша была выпалка кирпича и возка песку; сосѣди наши не вѣрили, что кирпичъ для церкви дѣлаютъ, вообразили себѣ, что хотятъ спросить винокурню; но когда заложили церковь, то начали помогать, казаки возить песокъ, и кто чѣмъ могъ, помогалъ; мастеру еще прибавили одну тысячу рублей, видя, какъ онъ слишкомъ мало потребовалъ, какъ бралъ у насъ деньги смотря по надобности, даже и по 25 рублей. И такъ съ помощью Божіей церковь окончена въ теченіе трехъ лѣтъ. У свекрови моей было старинное серебро, мы его промѣняли на церковное. При освященіи ея было чувствительно вспомнить, что недавно на томъ мѣстѣ гоняли скотъ на пастьбу, а теперь возсылаются молитвы у престола Божія, и на храмъ заведены очень удачно ярмарки, и еще кромѣ храмовой три въ разныя времена года, весной, лѣтомъ, осенью и зимой, всего четыре ярмарки въ годъ.

У родителей моего мужа еще была деревня на берегу Днѣпра, Калиберда, по другую сторону рѣки городъ Каневъ; она продана была ими, когда мужъ мой былъ въ малолѣтствѣ, по неудобству, какъ они говорили, такъ далеко ѣздить, и деньги прожили на расходы, не получая изъ этой деревни доходовъ, она такъ далеко отъ города, сбыту ни на что не было.

Жизнь моя была самая спокойная; характера я была самаго веселаго, такъ же какъ и мой другъ; мы окружены были добрыми и веселыми сосѣдями, и такіе же люди изъ далека живущихъ пріѣзжали къ намъ. Но, не смотря на мое счастье, находили на меня мрачныя мысли; душа моя видѣла чрезъ оболочку тѣла слѣдовавшія одно за другимъ несчастія, постигавшія меня. (Во снѣ видѣть церковь, говорятъ, означаетъ печаль, а мужъ видѣлъ меня во снѣ въ Ахтырской церкви два раза еще до знакомства съ моимъ родителемъ и родными). Сначала счастіе мое было отравлено болѣзнью моего мужа. До женитьбы еще онъ имѣлъ два года лихорадку, отъ которой насилу освободилъ его извѣстный тогда бывшій у насъ медикъ Трофимовскій. Мужъ мой всегда боялся послѣдствій такой продолжительной болѣзни, хотя сдѣлался совсѣмъ здоровъ, растолстѣлъ, что продолжалось 15 лѣтъ. Но къ несчастью онъ былъ мнительный; надобно было скрывать отъ него, когда случалось мнѣ болѣть или дѣтямъ.

Мы имѣли 12 дѣтей. До его смерти мы лишились 6-хъ. Каково было переносить! Изъ опасенія потерять мужа, я подавляла въ себѣ горе до послѣдней минуты кончины дѣтей. Выходя къ нему, я должна была казаться спокойною, и послѣ готовый экипажъ отвозилъ насъ

въ Яреськи, къ моей теткѣ, которая такъ умѣла въ такомъ случаѣ найтись, страдая и сама о нашей потерѣ. Мы потеряли пять сыновъ, шестый долженъ былъ замѣнить намъ всѣхъ. Но и его потребовалъ отъ меня Богъ. Да будетъ Его святая воля надъ нами! Мужъ мой былъ счастливѣе меня: онъ не дождался такого удара, сразившаго бѣдную его жену. Смерть дочери нашей Анны, старѣе нѣсколько лѣтъ теперешней моей Анны, много лишила его здоровья: онъ очень любилъ ее, воображая, что она была мой портретъ. Она умерла 3-хъ лѣтъ; въ послѣдній день ея болѣзни онъ не приходилъ въ домъ, ходилъ въ полѣ до изнеможенія, я его нигдѣ не могла найти, и послѣ прилегъ или почти упалъ на землю, и уснулъ. Тогда было сыро послѣ дождя, онъ легко былъ одѣтъ, простудилъ себѣ бокъ и началъ болѣть. Другую, не скоро послѣ той родившуюся, мы назвали тѣмъ же именемъ. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей, осталось только двое старшихъ: дорогой нашъ Николай, и тогда уже отличавшійся отъ обыкновенныхъ дѣтей, и старшая дочь наша Марія, мать теперешняго внука моего Николая *) Потомъ Богъ намъ послалъ четырехъ дочерей послѣднихъ, изъ которыхъ осталось мнѣ три.

Мужъ мой началъ болѣть. Четыре года продолжалась его болѣзнь, и когда почувствовалъ, что силы его совсѣмъ изнемогли, то началъ собираться, ѣхать къ доктору въ Кибинцы, домовому Д. П., и не могъ себѣ вообразить, какъ оставить меня на сносяхъ послѣдней моей дочерью Ольгой; ѣхать мнѣ съ нимъ нельзя было, я еще имѣла сильный кашель, и время наступало имѣть обо мнѣ попеченіе. Я его увѣряла, что буду совершенно здорова, когда и онъ возвратится также здоровъ, и старалась казаться веселой. Двѣ недѣли стоялъ экипажъ у крыльца, и все не хотѣлось ему уѣзжать, но болѣзнь усилилась, и онъ долженъ былъ уѣхать. Прощаясь со мной, сказалъ: какъ я буду безъ тебя, вѣрно умру и, какъ будто испугавшись, прибавилъ: если долго останусь тамъ; но постараюсь скоро возвратиться, а до того буду часто тебѣ писать, а къ тебѣ буду просить изъ родныхъ кого пріѣхать. И экипажъ съ нимъ послѣдній разъ двинулся отъ крыльца, жужжа по снѣгу. Воображала ли я, чтобъ онъ скрылся на всегда изъ моихъ глазъ? Я получала часто отъ него письма, онъ все безпокоился обо мнѣ и писалъ, что дѣлать въ хозяйствѣ; я не знала опасности, въ которой онъ находился, онъ часто болѣлъ послѣдніе годы и по немногу выздоравливалъ; я далека была отъ мысли о вѣчной съ нимъ разлукѣ.

Въ одно время маленькія дѣти Анна и Лиза, сидя у окна, безпрестанно звали папа; я полагала, что онъ скоро возвратится домой,

*) Трушковскаго, который, по кончинѣ своего дяди, издавалъ его сочиненія.

зная, что дѣти предвѣщаютъ иногда. Мнѣ другая недѣля была по рожденіи послѣдней моей дочери; только начала ходить безъ помощи другихъ по комнатѣ, ожидая мужа, чтобъ при немъ окрестить дитя. Вижу карета остановилась у крыльца, и вмѣсто его вижу доктора жену, акушерку. Она сказала мнѣ: Василій Аѳанасьевичъ прислалъ меня за вами; онъ хочетъ, чтобы вы непремѣнно пріѣхали къ нему и взяли съ собой Анету (тогда ей было 3 года). Я съ испугомъ сказала: Вѣрно очень боленъ, когда вызываетъ меня почти больную, тогда какъ я до 6-ти недѣль никуда не выѣзжала. Она была иностранка, не поняла, какъ ей сказали приготовить меня, и сообщила: Такъ приготовтесь, онъ очень похудѣлъ. При этомъ разговорѣ у меня все тлѣло внутри, я тотчасъ послала просить мою тетку пріѣхать и безъ меня окрестить дитя. Она бережно посадила меня въ экипажъ, по просьбѣ моего мужа беречь меня; и мы выѣхали за дворъ, какъ увидѣли верхового скачущаго во всю прыть; увидя его издали, я воображала возвращавшагося посланнаго отъ моей тетки, и сама не знаю, что̀ я тогда думала, но когда онъ подалъ въ окно докторшѣ письмо, то прислонилась въ уголокъ и смотрѣла на нее; она вдругъ вспыхнула и сказала: Воротимся, В. А. самъ пріѣдетъ. Я чувствую и теперь, что хотѣла кричать и желала, чтобъ скорѣе взяли отъ меня дитя, чтобъ его не потревожить. Пришедши въ комнату, я не смѣла ни о чемъ спрашивать, чувствуя свое несчастье, какъ она хотѣла было прочесть письмо и только выговорила: Приготовьте несчастную М. И., какъ я закричала отчаяннымъ голосомъ, закрывши уши руками: Не читайте, я не могу слышать этого слова, чтобъ оно никогда не доходило до моего слуха, и упала на полъ, умоляя Творца дать ему самое лучшее мѣсто въ царствіи Своемъ.

Близкая сосѣдка моя первая пріѣхала ко мнѣ. Увидя ее, я бросилась къ ней на шею и начала плакать, а до того ни слезки у меня не было; докторша начала ей выговаривать, зачѣмъ она меня расплакала, говоря: Она у меня не плакала. Вдругъ пришла мысль, что, можетъ, похоронятъ его тамъ. Я позвала священника нашего, упрашивала его сію же минуту ѣхать въ Кибинцы, просить Д. П. отдать мнѣ моего мужа; если же онъ, чтобъ не тревожить меня, скажетъ схоронить, то на колѣняхъ умоляйте отъ меня его исполнить мою просьбу. Распорядясь такъ, я не могу описать, что̀ я чувствовала! Это былъ какой-то хаосъ въ головѣ моей. Священникъ скоро возвратился, сказавъ, что встрѣтилъ на дорогѣ его тѣло. Онъ, какъ мнѣ послѣ говорили, ожидалъ все меня, смотря на часы полагалъ, что я чрезъ нѣсколько часовъ пріѣду, забылъ, что 60 верстъ надобно было проѣхать, велѣлъ просить къ себѣ Д. П., поручилъ ему меня и

дѣтей, самъ былъ неутѣшенъ, услыша отъ доктора, что нѣтъ надежды на выздоровленіе, повалился въ креслахъ, какъ тотъ разсказывалъ, лицо пожелтѣло, носъ отдѣлился какъ будто отъ лица, и слабымъ голосомъ сказалъ: Бога ради помогайте. Потомъ призвалъ жену моего двоюроднаго брата, А. А. Трощинскаго, заклиная ее отправить тѣло его въ деревню въ ландо (видно, воображалъ для удобства вынуть). Наконецъ карета остановилась у крыльца церкви, и раздался колоколъ. О Боже! Что̀ это былъ за звукъ! Я никогда не могу безъ слезъ вспомнить; а тогда я лишена была и этого облегченія: мнѣ казалось, что весь свѣтъ долженъ былъ погрузиться въ ужасное уныніе, и все хлопотала идти къ нему; но меня все останавливали подъ разными предлогами. Пріѣхавшая тетка моя говорила, что и она пойдетъ со мной; а между тѣмъ все приготовлялось къ похоронамъ, только я ничего не видала изъ этой суеты. Послѣ я узнала, что привезли гробъ изъ Кибинецъ, видно, чтобъ не заботить; но онъ не годился, дѣлали дома, и покуда привезли все изъ Полтавы, что̀ продолжалось 2 дня. На 5-й день его хоронили, и онъ былъ какъ живой, только немного пожелтѣлъ. Я не ѣла и не пила ничего; когда предлагали мнѣ что-нибудь, то я отвѣчала: Онъ теперь уже не ѣстъ, и я не хочу. Меня до тѣхъ поръ не пускали, покуда не внесли въ церковь, а до того онъ все былъ въ экипажѣ; тогда взяли и меня въ церковь. Когда я входила на крыльцо и увидѣла множество народу и пѣли Христосъ Воскресъ (тогда были праздники Воскресенія Христова), такое странное торжество показалось мнѣ, вспомня, какъ онъ любилъ этотъ праздникъ. Гробъ стоялъ высоко, меня ввели по ступенькамъ. Послѣ мнѣ разсказывали, что я была внѣ ума, говорила громко съ нимъ и отвѣчала за него; когда начали меня сводить оттуда, я все возвращалась и показывала на волосы, не зная какъ назвать ножницы; тогда догадались и отрѣзали мнѣ волосъ немного. Я пошла къ его могилѣ, увидѣть, есть ли и для меня тамъ мѣсто, какъ я просила, и увидѣла это исполненнымъ. По возвращеніи домой, бросилась въ постель, спрятавъ голову, не говорила ни съ кѣмъ и не отвѣчала никому. Тетушка моя не оставляла меня до 6-ти недѣль; она говорила, что то самое тяжелое время для остающихся, а по прошествіи того времени обращаются болѣе къ Богу. Она упрашивала меня выпить чашку чаю поутру, въ обѣдъ что-нибудь поѣсть, но я все отказывалась; тоска была невыразимая, я оставалась довольно долго, не подымая головы и никого не видя; дѣтей мнѣ не показывали, старшіе двое учились одинъ въ Нѣжинѣ, а другая у мадамъ Арендтъ, матери медика придворнаго. (Она была при началѣ заведенія Полтавскаго Института директриссой, а потомъ имѣла свой маленькой пансіонъ въ деревнѣ, вы-

давъ дочь свою за помѣщика). Тетушка подошла ко мнѣ, приготовя въ рюмкѣ вина пополамъ съ водой, положа маленькій кусочекъ бѣлаго хлѣба и сказала: Ты, видно, не хочешь видѣться съ В. Аѳанасьевичемъ въ лучшемъ мірѣ? Онъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ обитаетъ съ Ангелами, а ты никогда не будешъ тамъ; онъ берегъ свое здоровье, лѣчился, хотѣлъ жить, зная, что онъ бы былъ полезенъ для дѣтей, а ты хочешь быть самоубійцей, уморить себя голодомъ. Я подняла голову; она мнѣ положила чайной ложкой въ ротъ тотъ кусочекъ и болѣе не могла принудить, что̀ продолжалось ежедневно, по одной чайной ложечкѣ въ день. Потомъ сказала мнѣ, что дѣти скучаютъ, хотятъ меня видѣть; посадили меня, обложили подушками и ввели дѣтей ко мнѣ троихъ, одѣтыхъ въ черномъ съ плерезами, а четвертое было въ колыбели. Посмотря на нихъ, я погрузилась въ размышленіе, что̀ будетъ съ этими сиротами, когда и я еще умру, да еще и дѣвочками, которымъ нужнѣе мать; велѣла подать себѣ супу, приняла одну ложку, какъ лѣкарство; трудно мнѣ было глотать, у меня, казалось, засохли горло и желудокъ, и каждый день предлагали понемногу, но когда предлагали мнѣ что̀ другое изъ кушанья, то мнѣ дѣлалось дурно: желудокъ не принималъ. Когда осталась одна, то разсуждала такъ (видно, повреждена была въ разсудкѣ): Богъ такъ милосердъ, что если бы зналъ, какъ я приму это несчастье, то не наказывалъ бы меня такъ ужасно; пусть же теперь посмотритъ! Мнѣ казалось, что Богъ раскаивается уже, такъ жестоко наказавши меня. Будучи уже 33 лѣтъ я такъ бредила; но Богъ помиловалъ меня; болѣе не возвращалось такое заблужденіе, и я просила Творца моего простить меня за такую непокорность Его волѣ. Когда я вышла въ первый разъ въ садъ, когда заставили меня жить, то съ такимъ страннымъ чувствомъ смотрѣла на все, на томъ же мѣстѣ стоявшее; мнѣ казалось, что все должно было опрокинуться и погибнуть; мнѣ казалось, что ничто уже въ жизни не можетъ меня поразить такъ сильно.

Послѣ смерти мужа я потеряла двухъ дочерей; упрашивала только Бога оставить мнѣ единственнаго сына, котораго я любила болѣе своей жизни, и остальныхъ дочерей. Старшія мои дѣти помѣщены были хорошо; я имъ не могла писать о нашемъ несчастіи и просила письменно: директора въ Нѣжинѣ приготовить къ такому удару моего сына, и въ пансіонъ мадамъ Арендтъ приготовить мою дочь, которая послѣ заболѣла въ нервическую горячку; а сынъ въ такомъ былъ горѣ, что хотѣлъ броситься въ окно съ верхняго этажа. Онъ писалъ потомъ ко мнѣ. Меньшія дѣти мои были малы для ученья, и я занялась всѣмъ по мужской части въ полѣ, потомъ и письменными дѣлами, считая священною обязаностью сберегать все для дѣтей и улучшать, сколько

позволяли способы. При мужѣ я не занималась такими хлопотами, только по дому и дѣтьми; но теперь все обрушилось на мою голову. Можетъ, такія насильныя занятія и спасли меня, что время начало уносить мое горе; имѣя отраду тогда въ моемъ сынѣ, и необыкновенное здоровье мое, перенеся такъ много, начала переходить въ первобытное состояніе. Мнѣ было 59 лѣтъ до полученія рокового извѣстія о потерѣ моего сокровища на землѣ; и такъ была крѣпка, какъ 20 лѣтнія бываютъ. Только такъ умѣла сберечь меня рѣдкая тетка; но послѣ послѣдняго моего несчастія, когда эти три свинцовые для меня годы опустились на мои рамена, то тяжело стало носить мои 62 года...

Скажу о воспитаніи моего мужа. Онъ учился въ Полтавѣ. Родители его не хотѣли далеко отъ себя его учить, не имѣя никогда болѣе его дѣтей. Тамъ была тогда семинарія, и не знаю, какія другія училища. Онъ зналъ очень хорошо Граматику, Ариѳметику всѣ части, Географію, Латинскій языкъ, Поэзію, зналъ хорошо Миѳологію, при натуральномъ основательномъ умѣ зналъ Архитектуру, рисовалъ въ свободное время фасадъ дома, разсказывая какой будетъ его планъ гдѣ какая комната и какъ будетъ выгодно жить. Но вышло, что ему выстроили безъ плана комнатку одну и вмѣстѣ со мной!

Когда вышелъ въ отставку мой двоюродный братъ, любимой моей тетки сынъ, Андрей Андреевичъ Трощинскій, то мы очень пріятно проводили время вчетверомъ. Я была уже тогда замужемъ, онъ получилъ отличное воспитаніе, говорилъ по-русски Петербургскимъ языкомъ, какъ у насъ называли въ Малороссіи, по-французски и на Нѣмецкомъ языкѣ; отличной нравственности былъ, какъ красная дѣвица, какъ говорится, читалъ по-русски превосходно; и онъ-то меня нѣсколько приспособилъ читать, посадя возлѣ себя и совѣтуя слѣдить за его чтеніемъ. У него была библіотека, онъ самъ назначалъ мнѣ книги, самыя нравоучительныя; безъ него и безъ мужа моего я не хотѣла брать книгъ читать. Этакъ покойный братъ началъ было нѣсколько перевоспитывать меня. Но частыя его отлучки по имѣніямъ его дяди, разнымъ его дѣламъ, мѣшали ему серьезно заняться мной. Видно мнѣ положено судьбой остаться такъ, какъ я есть.

Опишу еще послѣднее пребываніе на земномъ шарѣ моихъ родителей, при отходѣ ихъ въ лучшій міръ, что̀ такъ глубоко врѣзалось въ моемъ сердцѣ, чтобъ показать вамъ, до какой степени они любили своихъ дѣтей съ самоотверженіемъ. Когда отецъ мой началъ ослабѣвать, не могъ ходить, лежалъ въ постели, я сидѣла у его постели. Онъ мнѣ сказалъ: да благословитъ тебя Богъ въ семъ мірѣ и въ будущемъ, и не могъ отъ слабости поднять руку благословить меня по обыкновенію своему. Цѣлуя его руку, я не могла поднять безъ усилія ее:

такъ она тяжелѣла. Онъ послалъ за священникомъ, не сказавши мнѣ, только одной маменькѣ, позвалъ приказчика, велѣлъ мнѣ выйти—пройтись по саду, но я, увидя маменьку, остановилась съ ней въ ближней комнатѣ. Онъ началъ ему говорить, разспрося что̀ дѣлается въ хозяйствѣ: смотри, чтобъ ты былъ вѣренъ моимъ дѣтямъ, честенъ такъ, какъ при мнѣ былъ, за что тебя Богъ наградитъ; вспомни, что ты служишь не господамъ, а Богу, поставившему тебя на то мѣсто; за сиротъ и вдову болѣе съ тебя взыщется. Потомъ сдѣлался спокоенъ и молился; увидя насъ, даже казался веселымъ и сказалъ намъ: надѣюсь, что вы не будете такъ малодушны, какъ деревенскія бабы—плакать о томъ, что̀ ожидаетъ каждую изъ васъ; я говорю это на случай; можетъ, мы еще очень долго не разлучимся. Потомъ онъ употребилъ власть свою, которой никогда не обнаруживалъ: приказалъ мнѣ непремѣнно ѣхать домой къ своему семейству, увѣряя меня, что ему дѣлается легче, и онъ надѣется выздоровѣть; если же сдѣлается ему хуже, чего онъ однакожъ не надѣется, то онъ пришлетъ за мной; но только чтобъ я сей же часъ ѣхала, прибавя: теперь ночи темныя, и онъ не будетъ покоенъ, если я останусь подольше. Я, простясь съ нимъ, пошла одѣваться; и онъ еще прислалъ узнать, уѣхала ли я, удерживая свой стонъ, но когда узналъ, что меня нѣтъ, началъ стонать и по пріѣздѣ священника скоро окончилъ жизнь.—Чрезъ годъ тоже и маменька сдѣлала: уговорила меня непремѣнно ѣхать домой, увѣривши меня, что ей лучше, надававъ мнѣ разныхъ комиссій, какъ будто нужныхъ для нея, и благословивъ меня, какъ обыкновенно благословляютъ при отъѣздѣ, скоро скончалась. По отъѣздѣ моемъ, чрезъ нѣсколько часовъ получила я то роковое извѣстіе. Они знали, какъ тяжело быть при смерти постороннихъ людей, не только родителей. Какое впечатлѣніе остается въ остающихся? Какая нѣжная родительская любовь! До того ли, кажется, умирающему человѣку, чтобъ помнить о другихъ, видя предсмертное свое мученіе? Но та любовь превозмогаетъ все. Они оба скончались на 71 году отъ роду.

(Сообщено И. С. Аксаковымъ).